

Лю Юэ воспитывался сначала императрицей, а затем супругой Шу. И наследный принц, и второй принц, хоть и пытались завлечь его на свою сторону, в глубине души ненавидели его. В их глазах мать Лю Юэ была низкой женщиной, жестокой и распутной, и что хорошего могло быть в ее сыне? Несмотря на всю ненависть, они вынуждены были использовать его, чтобы в будущем иметь под рукой дополнительный ресурс.

Теперь Лю Цянь пришел во внутренние покои дворца Чанпин, но сколько бы он ни кричал, внутри не было ни звука. Лю Цянь был вне себя от злости, ему хотелось ворваться внутрь, но он не смел. Хотя Лю Юэ и не был любимцем отца, он все же был его сыном, и его статус не отличался от статуса Лю Цяня. Если бы он действительно ворвался, это вызвало бы гнев императора, и игра не стоила бы свеч.

Фудун, увидев мрачное выражение лица Лю Цяня, поспешила успокоить его:

— Второй принц, сегодня третий принц сильно устал, вероятно, крепко спит. Может быть, завтра, когда он проснется, я передам ему ваше сообщение?

Лю Цянь фыркнул:

— Ладно, раз третий брат спит, я не буду его беспокоить.

Он вышел из внутренних покоев и, оказавшись снаружи, посмотрел на ночное небо, думая: «Мать, наверное, уже приказала действовать?». С этой мыслью он ускорил шаг, направляясь во дворец Чунъяо.

Вэй Цзинъюань внимательно прислушивался к звукам за дверью и, убедившись, что Лю Цянь ушел, отпустил руку и, встав на колени на кровати, сказал:

— Это было вынужденной мерой, прошу наказать меня, третий принц.

Сначала Лю Юэ был поражен и даже немного разгневан, когда Вэй Цзинъюань закрыл ему рот. Но со временем, пока Вэй Цзинъюань прислушивался к звукам за дверью, он не заметил, как близко они оказались друг к другу. Лю Юэ почувствовал легкий аромат, исходящий от руки Вэй Цзинъюаня, которая, как нежный бамбуковый побег, была слегка прохладной. Ее прикосновение к губам вызывало неопределимое чувство.

Лю Юэ погрузился в это приятное ощущение и не успел опомниться, как Вэй Цзинъюань снова заговорил:

— Если третий принц действительно сердит, я готов принять наказание.

— Что случилось? — Лю Юэ явно не расслышал слова Вэй Цзинъюаня.

Вэй Цзинъюань поспешно сказал:

— Это было вынужденной мерой, я... готов принять наказание, прошу наказать меня, третий принц.

Лю Юэ усмехнулся, поднес кулак ко рту и слегка кашлянул:

— Ты же сказал, что это было вынужденной мерой, как я могу тебя наказывать? Хотя...

Он с улыбкой посмотрел на Вэй Цзинъюаня и тихо сказал:

— Ты действительно так не хочешь видеть второго брата? Он хорошо к тебе относится, вряд ли найдется кто-то еще, кто был бы так добр к тебе.

Вэй Цзинъюань почувствовал неловкость, подумал и ответил:

— По правде говоря, у меня нет никаких других мыслей, прошу больше не возвращаться к этому.

Увидев, что в глазах Лю Юэ читается улыбка и нет гнева, он осмелился сесть и добавил:

— В мире есть и другие, кто ко мне добр.

Лю Юэ заинтересовался:

— Кто еще?

Вэй Цзинъюань сменил тему:

— Уже поздно, прошу вас, третий принц, отдохнуть.

Лю Юэ понял, что Вэй Цзинъюань не хочет говорить, и не стал настаивать. Когда они легли, Лю Юэ тихо сказал:

— Летние ночи душные, почему твоя рука такая холодная? Ты действительно сильно болен.

Не дав Вэй Цзинъюаню опомниться, он взял его руку и положил себе под одежду.

Вэй Цзинъюань был поражен, пытаясь отдернуть руку:

— Третий принц, так нельзя, я хоть и болен, но не могу позволить вам...

Лю Юэ прервал его:

— Не шуми, иначе заставлю тебя полчаса стоять на коленях у дверей.

С этими словами он медленно закрыл глаза, но рука, держащая запястье Вэй Цзинъюаня, так и не разжалась.

Ладонь Вэй Цзинъюаня лежала на груди Лю Юэ, чувствуя приятное тепло и ровное сердцебиение. Постепенно он перестал сопротивляться, как будто это было естественно, согревая руку на теплой груди Лю Юэ.

Ночь была тихой, и в императорском дворце, как обычно, царила тишина. Ночной ветер приносил с собой легкую печаль. Жизнь во дворце была нелегка, и только наложницы и слуги могли понять это. В павильоне Сюаньши все еще горел слабый свет. Хотя госпожа Цао была под стражей, она получила разрешение императора, и ее будущее не казалось слишком мрачным.

Павильон Сюаньши находился рядом с холодным дворцом, и с наступлением ночи оттуда доносились жалобные крики, пугая госпожу Цао и не давая ей уснуть. Она дрожала, укрывшись одеялом, и слезы беззвучно катились по ее щекам. Она вспоминала нежность Вэй Гоуая, думая, что если бы он был рядом, она бы не боялась ни огня, ни меча.

Погруженная в воспоминания, госпожа Цао не заметила, как снаружи павильона началась подготовка к поджогу, чтобы сжечь ее заживо. Только когда густой дым проник внутрь, она

очнулась. Дым не давал ей открыть глаза, она прикрыла рот и нос и на ощупь добралась до двери, но та была заперта. В панике она закричала, но это было бесполезно. Постепенно дым заполнил ее легкие, и она, обессиленная, опустилась у двери. Она умирала? Ее сжигали заживо в этом дворце, полном призраков?

Первым, кто заметил пожар в павильоне Сюаньи, был молодой евнух из дворца Шанцянь. Взволнованный, он закричал и побежал, распространяя панику по всему дворцу.

Фудун, узнав о пожаре, долго думала, но решила сообщить Лю Юэ.

— Третий принц, в павильоне Сюаньи пожар, — она тихо сказала за дверью.

Лю Юэ спал неглубоко и, услышав о пожаре, сразу открыл глаза:

— Император знает?

— Император уже в курсе, он уже отправил людей на место.

Лю Юэ поспешно встал:

— Одевай меня, идем во дворец Чэнмин.

Он отпустил руку Вэй Цзиньюаня, убедившись, что тот еще спит, и вышел из внутренних покоев.

Вэй Цзиньюань открыл глаза только после того, как Лю Юэ ушел. Все произошло так, как он и предполагал: кто-то не мог дождаться и начал действовать. Если он не ошибался, поджог павильона Сюаньи был делом рук супруги Шу и Лю Цяня, а их целью было подставить наследного принца Лю Сяня.

— Господин...

Лян Чжэнь бесшумно влез через окно и подошел к кровати:

— Господин, вы проснулись?

Вэй Цзиньюань, увидев Лян Чжэня, поспешно сказал:

— Лян Чжэнь, я приказываю тебе немедленно спасти госпожу Цао из павильона Сюаньи и привести ее во дворец Чанпин.

Лян Чжэнь, видя тревогу Вэй Цзиньюаня, не стал шутить и ответил:

— Господин, если я сейчас отправлюсь, будет уже поздно.

Вэй Цзиньюань испугался:

— Что же делать? Знал бы я это раньше, я бы приказал тебе постоянно следить за павильоном Сюаньи.

Лян Чжэнь усмехнулся:

— Господин, не волнуйтесь, госпожа Цао в безопасности, а человек уже спрятан в боковом зале.

— Правда?

Лян Чжэнь улыбнулся:

— Зачем мне вас обманывать? Я заранее понял ваш замысел и, пока евнух спал, оглушил его и отправился в павильон Сюаньи, чтобы спасти госпожу Цао из огня.

Вэй Цзинъюань облегченно вздохнул:

— Кто-нибудь заметил?

— Господин, не беспокойтесь, я хоть и не мастер скрытности, но могу скрыть свои следы.

Вэй Цзинъюань подумал и спросил:

— Скажи, ты нашел кого-нибудь, чтобы заменить госпожу Цао?

— Конечно, — Лян Чжэнь лениво потянулся. — Когда я добрался до павильона Сюаньи, я заметил, что кроме нескольких проворных евнухов, неподалеку стояла служанка, наблюдая за происходящим. Я не раздумывая схватил ее и заставил заменить госпожу Цао.

Теперь перед Вэй Цзинъюанем стояло две задачи: как вывести госпожу Цао из дворца и что делать, если кто-то захочет проверить личность и обнаружит, что у служанки нет беременности. Однако, подумав, он понял, что служанка будет сожжена до неузнаваемости, и никто не усомнится в том, что это была госпожа Цао. Осталось только решить, как выбраться из дворца.

— Господин, зачем вы спасаете госпожу Цао? — спросил Лян Чжэнь.

— Это тебя не касается, возвращайся в боковой зал, я сам разберусь, как выбраться, — Вэй Цзинъюань серьезно сказал.

Лян Чжэнь не осмелился продолжать расспросы, поклонился и выпрыгнул в окно, вернувшись в боковой зал.

Во дворце Чэнмин все стояли на коленях, а император с мрачным лицом смотрел на них и гневно спросил:

— Как могло случиться, что в мирное время начался пожар? Объясните.

<http://bllate.org/book/16673/1529447>